

Крымская правда
г. Симферополь

28 СЕН 1962

Жизнь крупным планом

Заметки о гастролях Крымского театра им. А. М. Горького в Ленинграде

Боле месяца гастролировал в Ленинграде Крымский театр имени А. М. Горького. Спектакли его, как правило, проходили при аншлагах. Газеты поместили положительные рецензии. Телевидение показало «Фауст и смерть» и «Каменного востелина» не только в Ленинграде, но и в Москве.

Успех гостей не случаен. Зрителей привлекает прежде всего репертуар. «Уриель Акоста» ленинградцы видели в последний раз до войны, «Каменного востелина» совсем не видели. Наши театры не ставили «Фауста и смерть», так же как и «Побега из ночи», «Лунную сонату», «Игру без правил», «Джени Герардт», «Петербургскую ночь». Зато «Чемодан с наклейками» и «Опаснее врага» родились в Ленинграде. И вызывает симпатию то, что крымчане привезли эти комедии, не устаревшие конкурентами нашего главного Театра комедии под руководством Акимова.

Однако заслугой Крымского театра, мне кажется, является последовательное обращение к такому жанру сценического искусства, как трагедия. Немного найдется в стране театров, которые захотят и могут себе позволить ставить одновременно две трагедии, причем одну из них — современную и такую сложную философскую драму, как «Каменный востелин». И дело тут не только в бытующем заблуждении, что наш зритель не слишком охотно идет на «тяжелые» спектакли, и не в отсутствии трагедий современных. Сценическое воплощение трагедии всегда сопряжено с риском; как правило, «средние» трагедийные спектакли не выживают — на них не ходят.

Поэтому, говоря о трагедийных спектаклях Крымского театра, следует прежде всего говорить об актерах. Удача «Фауста и смерти» — это удача В. Хорохорина (Ярослав) и Е. Тарасова (Механтроп), Н. Оле-

щенко (мать) и В. Злоковича (Вадим). Постановка спектакля «Уриель Акоста» была бы вообще невозможна без удачи Н. Мартона («Уриель»). Как ни хорошо поставлен и оформлен «Каменный востелин», своим успехом, в конечном счете, он обязан Г. Ноженко (донна Анна), Н. Мартону (Дон Жуан), Е. Тарасову (Командор), Э. Чернову (Сганарель), Г. Тимошиной (Долорес). В этой связи показателен спектакль «Побег из ночи», который, будучи поставлен весьма средне и по очень неважной в сущности пьесе, существует и пользуется успехом благодаря мастерству Мирвольского, создавшего удивительный образ главного героя.

Придавая такое большое значение исполителям, я вовсе не хочу умалять этим роль режиссера, художника, композитора и всех тех, кто вкладывает свой кропотливый труд в каждый спектакль. Наоборот, уверен, что и они бывают удовлетворены именно тогда, когда зритель может отделить их работу от мастерства актера, когда все компоненты спектакля сливаются воедино.

В этом смысле наиболее цельным мне показался «Каменный востелин». Кстати сказать, после этого спектакля досадуешь на театры (в частности, и на наши, ленинградские) за то, что они предали забвению творчество такого своеобразного, умного и тонкого драматурга, как Леся Украинка. Правда, «Каменный востелин» — твердый орешек, об него «обламывали зубы» некоторые именитые театры. Неоднократно варьированная Байроном, Мольером, Пушкиным и другими история собащителя, чье имя стало нарицательным, получила у Леси Украинки совершенно оригинальное преломле-

ние с очень сложным философским подтекстом.

В Крымском театре постановщик Н. Соколов, художник М. Янковский создали яркое театральное зрелище, живое и увлекательное, но в нем не потонул и философский смысл пьесы. Артисты Ноженко, Мартон, Тарасов, Тимошина создали яркие, сильные характеры. Вместе с тем они смели показать и нравственную слепоту, и ограниченность своих героев, несостоятельность их мировоззрения. Эгоистическое и бесцельное «свободолюбие» Дон Жуана, бескрылая самоотверженность Долорес, иссушающее душу властолюбие Командора — сшибаясь, противостоя, эти силы взаимно и совершенно бессмысленно истребляют друг друга. Гибнут все, и гибнет обаятельная, умная и язвительная донна Анна, пытавшаяся совместить несовместимое — устремления Командора и Жуана, благородство и низость, прямоту и подлый расчет. Торжество мысли автора пьесы, точно прочитанная и выразительно донесенная до зрителя: себялюбие, ложные идеи и мелкие цели не приносят счастья человеку, как бы сильно он ни стремился к нему.

Жаль, что «Каменный востелин» мало шел в Ленинграде, этот спектакль — большая удача театра.

Ленинградцы увидели первыми и новый спектакль Крымского театра — «Уриель Акоста», рассказывающий о смелом порыве гордой человеческой души в страшной средневековой обстановке религиозного мракобесия. В жестокой борьбе гибнет молодой ученый Уриель Акоста, он не успевает заглянуть в будущее, бросив в лицо изуверам и догматикам: «Мы жаждем сбросить вековые цепи!

Отныне разум — символ нашей веры».

Правда, актерский ансамбль в этом спектакле не отличается такой ровностью, как в «Каменном востелине». Не разыгрался Г. Юченков (де Сильва), не под силу молодому А. Голобородко немаловажная роль Бен Иохан. Зато на новую ступень поднялся молодой Н. Мартон. Можно было опасаться, что в «Уриеле» убедись лишь вновь в великолепных сценических данных этого актера, — слишком уж трудна эта роль, за которую после Ленского, Южина, Станиславского, Юрьева, Остужева актеры и братья-то не решаются. Но зритель постиго приятное разочарование — Н. Мартон сумел создать впечатляющий образ незаурядного человека с глубоким умом и беззащитным сердцем. Образ этот еще требует развития и большей рельефности, но намечен он верно и интересно.

Безусловной победы в небольшой, но очень важной роли Бен Акиви добился Э. Чернов. Игра его виртуозна и филигранна, окрашена тонким юмором и полна убийственного сарказма. Трогательна, особенно во второй половине роли, Г. Ноженко. Но грим и прическа явно уродуют актрису, которая была такой красивой донной Анной.

И, наконец, еще один спектакль, несомненно, ахочит в творческий актив театра. Это «Фауст и смерть». «Фауст и смерть» — произведение остросовременное не только по материалу (первый воображаемый полет советского человека в космос), но, что гораздо важнее, по постановке и разрешению нравственных проблем, в частности извечного конфликта между долгом и чувством. Вместе с тем — это философская трагедия, столкновение идей и идеологий.

По своей сценической форме спектакль «Фауст и смерть» — наиболее приподнятый, романтический и ус-

ловный. Предельно скупое оформление (художник М. Янковский), броские, графически четкие мизансцены — все сделано для того, чтобы активнее включить зрителя в круг идей и чувств спектакля. Режиссер В. Тимошин не стремится к незамысловатому жизненному правдоподобию, он верит в зрителя и верит в актера. На этом, самом трудном пути достигнут определенный успех, хотя спектакль идет неровно, в чередовании подъемов и спадов.

Это происходит с одной стороны, потому что пьесе присущи непреодолимые сценические недостатки. Так, например, конфликт между Ярославом и Вадимом носит чисто умозрительный характер. По сути линия Вадима существует самостоятельно, параллельно. И положение не спасает то обстоятельство, что Ярослав гибнет по вине Вадима. Скорей наоборот: ведь коллизия эта опровергнута самой жизнью — все наши славные космонавты вернулись благополучно на родную землю. Да и вообще трудно себе представить, чтобы наша могучая космическая техника могла зависеть от призыва какого-нибудь отдельного человека.

Так или иначе, но в спектакле на первый план выступает трагедия матери, отдающей на благо людей и прогресса своего сына. Зрители откликнулись аплодисментами, как правило, на те сцены, где раскрывалось тревожное и щедрое материнское сердце.

С другой стороны, не всем актерам до конца под силу крупный масштаб и гражданственный пафос спектакля. Большую победу одержал артист В. Хорохорин. Самое главное — ему всегда веришь. В какие бы ситуации Ярослав ни попадал, он всегда естествен, глубок, значителен и обаятелен в своей человеческой простоте.

Совершенно другого плана роль у Е. Тарасова. Он играет искусственное подобие человека, т. е. супер-робота, и играет так здорово, что его Механтроп становится антиподом Ярослава, а не Вадим с мона-

хом, как было задумано автором. Это вовсе не значит, что артист Злокович не справился с ролью Вадима, он ведет ее точно, корректно, но, к сожалению, без необходимого обобщения и размаха. Неинтересен, мелок монах (артист Г. Юченков). Как бы ни был труден материал, отпущенный автором для этого важного образа, он позволял создать образ значительный и обязательно зловещий, страшный. А этого в спектакле нет.

А вот артистку Олещенко следует упрекнуть в перехлесте, в недостаточном контроле над эмоциональным подъемом, с которым она играет мать. Есть у актрисы хорошие, волнующие сцены, а где-то она начинает декламировать, теряет сердечный контакт со зрительным залом.

Решительная неудача в этом спектакле постигла артистку Г. Ноженко (Ирина). Она играет просто не то, что было написано и намечено автором.

Одним словом, издержки в спектакле немалые. Но это, я бы сказал, трудности роста.

Поскольку я воспринимаю Крымский театр им. А. М. Горького как коллектив совершенно сознательно ориентирующийся прежде всего на мастерство актера, мне хочется еще раз упомянуть артиста Е. Тарасова. Из всех виденных мною исполнителей он обладает наибольшей способностью перевоплощаться, свободой и естественностью сценического поведения. Располагая арсеналом острых, выразительных средств, он совершенно не злоупотребляет ими, скуп отбирая лишь необходимое для создаваемого образа. И трудно даже узнать Е. Тарасова в таких разных ролях, как замкнутый и властный Командор, бесхарактерный, добрый лицемер Менассе, бездушный Механтроп, жестокий, умный генерал-эсэсовец.

В заключение хочется пожелать коллективу Крымского драматического театра имени А. М. Горького дальнейших творческих успехов.

И. КОССАКОВСКИЙ.

г. Ленинград.